

Л.Б. ЗУБАНОВА, Н.Л. ЗЫХОВСКАЯ

ТРАНЗИТНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ СЕТЕВОЙ КУЛЬТУРЕ: МЕЖДУ КАРНАВАЛОМ И ТРАВМОЙ

ЗУБАНОВА Людмила Борисовна – кандидат социологических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социологии Челябинского государственного института культуры (milazubanova@gmail.com); ЗЫХОВСКАЯ Наталья Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (ladoga122@gmail.com). Обе – Челябинск, Россия.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению феномена интернет-культуры – сетевых флешмобов, распространившихся в режиме web-эпидемии. Сетевые флешмобы анализируются с позиции раскрытия в них нового типа солидарности, получившей в авторской терминологии обозначение – транзитная солидарность. На примере сетевых флешмобов «Я не Боюсь Сказать», «Питер Мы с Тобой», «Меня не взяли», «Взрослая жизнь в пяти словах», «Три слова в прошлое» и других изучается вариативная основа идентификации интернет-пользователей с группой. Содержательно-смысловая конструкция сетевых флешмобов раскрывается через концепты «травма» и «карнавал». Делается вывод, что сетевые флешмобы открывают возможность компенсаторного проживания индивидуальной травмы в практиках коллективной вовлеченности в публично демонстрируемое единство, где тематический хештег становится символическим конструктом узнавания «своих».

Ключевые слова: сетевая культура • транзитная солидарность • актуальные формы солидарности • виртуальная реальность • новые медиа • социальные сети • флешмобы • web-эпидемии

DOI: 10.31857/S013216250004966-5

Транзитная солидарность: спонтанность и стихийность переживаемого единства интернет-аудитории. Люди, имеющие близкое социальное положение, общий род занятий, схожие политические ориентации, выражающие близкие умонастроения и т.д., расположены к тому, чтобы группироваться и спланиваться. Различные основы объединения людей в сообщества (национально-этнические, конфессиональные, возрастные, политические и др.) и неоднородность интеграционных связей, обеспечивающих сущностную «ткань» сплочения, лишь закрепляют неизменность лейтмотива единства как стабильного фундамента общественной жизни.

Необходимость учета роли субъективного фактора в осуществлении социальных изменений актуализируют исследования по проблемам солидарности в контексте поиска ценностных основ сплочения в условиях фрагментарности, дезинтеграции, мозаичности и раскола. Особенно актуальна эта проблематика для постсоветских обществ, в которых слабость промежуточных структур значительно сокращает средства конструктивного влияния гражданского общества на государственные институты и политику плохо сменяемых властей.

Осмысление солидарности в социологической науке может быть отнесено к разряду фиксации неочевидных и трудно верифицируемых объектов [Кармадонов, Ковригина, 2018]. Во многом эта сложность вызвана зарождением новых типов солидарностей, не всегда

Исследование осуществлено в рамках программы грантов президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ № 3200.2018.6), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

четко вписывающихся в сложившуюся рамку исследовательского дискурса. Так, анализируя пространство потребительских благ и ресурсов, М.А. Шабанова выделяет традиционные (социально-экономические) и новые практики солидарности потребителей, формируемые на основе этических установок, к которым она относит «так называемые этические покупки и бойкоты потребителей» и одновременно сопоставляет их с позиций организованного (формально-институционального) и неорганизованного (доминирование просоциальных факторов) форматов сплочения аудиторий [Шабанова, 2017: 32]. М.-К. Блэ указывает на расширительные трактовки современного прочтения идеи солидарности, реализуемой не столько в политическом проекте (политика солидарности, солидарные акции), сколько «...в ее гуманистическом общественном варианте проявления сострадания к жертвам несправедливостей, поощрения дарений и пожертвований, развитого социального чувства» [Блэ, 2018: 19].

Новое понимание солидарности формируется в контексте активной экспансии сетевой культуры. В социологических исследованиях зафиксирована тенденция сужения и сегментации аудитории СМИ и ее фрагментации [Назаров, 2018]. В дополнение к фрагментации информационного поля меняется его характер. Пространство взаимодействия людей становится киберпространством, если воспользоваться его характеристикой в последних книгах З. Баумана: «Киберпространство, место, где осуществляются интеллектуальные процессы эпохи постмодернити, живет фрагментацией и порождает фрагментацию, являясь одновременно и ее продуктом, и ее главной причиной» [Бауман, 2002: 251]. Наряду с нестабильностью связей, их формализацией, фрагментацией в сетевом пространстве формируется особый способ объединения, консолидации пользователей, обозначаемый нами как **транзитная солидарность**.

Используя термин «солидарность», мы разделяем подход О.А. Кармадонова, согласно которому «солидарность» больше относится к состоянию, в то время как «консолидация» и «интеграция» – к процессу [Кармадонов, 2015: 10]. Транзитная солидарность формируется как практика ситуативно переживаемого единства, возникающего на основе сопричастности действенно-коммуникативному акту (событию, случаю, искусственно сконструированному или реально наличествующему информационному поводу) и демонстрируется интернет-аудиторией в пространстве виртуальных коммуникаций.

Транзитная солидарность, как актуальный и самобытный тип единства, отличается рядом характерных признаков:

- спонтанный (незапрограммированный) характер возникновения и стихийный (вирусный) механизм распространения;
- кратковременная (разовая) публичная демонстрация единства;
- подвижная основа идентификации с группой (отсутствие реально скрепляющих социальных связей, парадоксальность конфигураций, а порой и соединение в единой акции изначально конфликтных групп, в традиционных сферах занимающих позицию «своих и чужих»);
- нацеленность на символические коммуникативные практики взаимодействия;
- приоритет процесса формирования солидарности (событийны именно *практики вовлечения*) над результатом (сформированными и устойчивыми основаниями единства).

Конфигурация выделенных признаков отлична от традиционного типа солидарности, предполагающего более высокую стабильность и заданную определенность существующих в группе социальных связей: «Идеальный или «чистый» тип интеграции в форме сплоченности (солидарности как согласия и т.п.) предполагает единство с определенными («своими») людьми и общую идентичность с членами своей группы как таковыми, даже когда индивиды не разделяют ее нормы и ценности. В ее основе лежит оппозиция «мы – они», «наши – не наши», «свои – чужие», независимо от приверженности каким-то общим правилам» [Гофман, 2015: 32].

По сути, транзитная солидарность предстает именно промежуточным (буквально, от названия: *transito* (лат.) – переход, перемещение; *transient* (англ.) – преходящий, скоротечный, мимолетный, неустановившийся) типом солидарности, мобилизующей

аудиторию на основе информационно-коммуникативного действия в трактовке Ю. Хабермаса: «действия, ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия» [Хабермас, 2000: 42]. Именно в силу этой спонтанно-промежуточной и изменчивой природы, наиболее органичным пространством формирования и воспроизведения транзитной солидарности становится интернет-среда, в полной мере созвучная общему имитационному тренду современной культуры [Тощенко, 2012], метафоре «потока» [Иванов, 2012].

Идея рассмотрения интернет-платформ в качестве актуальных центров солидарности сообществ не нова. Тем более что границы возникающих в них связей не замыкаются исключительно на виртуальных контактах, но простираются на вполне реальную «реальность». Так, согласно опросам, общность с людьми, с которыми респонденты общаются в социальных сетях, ощущают в полной мере – 15%, скорее ощущают – 38,5%, скорее не ощущают и совсем не ощущают – 18,5% и 14% [Ярская, 2017 : 19]. Однако в большинстве случаев подобный «выход за пределы» подкрепляется изначально заданной (объективно существующей) основой идентификации, что наглядно подтверждается исследовательскими примерами: онлайн-сообщества ВИЧ-релевантных групп [Рыков и др., 2016], консолидация сообществ участников протестных политических движений [Ушкин, 2014].

Иными словами, формирующаяся в пространстве интернет-коммуникации (социальных медиа) солидарность чаще всего выступает либо продолжением реально наличествующего единства, либо поводом для его установления: «Деятельность членов группы направлена на распространение контента, который поддерживает единство группы. В данном случае важна не столько точность и корректность передачи информации, а представление и поддержание веры и доверия, некоторого единомыслия, сохранения сообщества. Человек «вступает» в эту группу, поскольку идеи группы созвучны его мыслям или представляют для него интерес» [Коломиец, 2017: 7]. Виртуальные связи в этом случае лишь удерживают и закрепляют уже существующую солидарность сообществ, преодолевая физическую дистанцию, обеспечивая частоту и устойчивость контактов.

При этом характер солидарности интернет-пользователей, безусловно, весьма неоднороден. Достаточно вспомнить о многообразии выделенных Ю.Г. Рыковым, О.Ю. Кольцовой и П.А. Мейлахсом типов виртуальных структур: консолидированная толпа, поляризованная толпа, стратифицированная структура, кластеризованная структура, дезинтегрированная структура [Рыков и др., 2016: 35]. И тем не менее, основа солидарности данных групп в большей мере стабильна, обусловлена естественно заданными стимулами (в данном случае – причастность к заболеваниям), а потому – соотносима с традиционными типами социальной интеграции.

Специфика транзитной солидарности (в отличие от иных видов виртуального единства: интернет-сообществ и групп по интересам, пользователей тематических форумов) заключена в принципиально кратковременной и подвижно-нестабильной основе идентификации участников взаимодействия в соответствии с метафорой «текучей современности» З. Баумана: как перехода от плотного и структурированного мира обязательств («твердого» состояния) – к пластичному и свободному от условных границ и социальных барьеров миру текучего «жидкого» состояния [Бауман, 2008]. «Солидарный подход», нацеленный на осмысление новых форм социальности [Омельченко, 2013: 52], таким образом, дополняется актуальным содержанием, соответствующим развитию новых медиа.

Сетевые флешмобы в пространстве новых медиа: актуальные практики транзитной солидарности. Новые медиа (разновидностью которых являются социальные сети) – это обобщенное название интернет-ресурсов, предоставляющих широкому кругу пользователей возможность публикации, обмена, обсуждения, демонстрации отношения к презентуемому контенту. Все это создает в сознании аудитории эффект активного сетевого взаимодействия, формирующего сообщество единомышленников (сам термин «сообщества» распространен именно в интернет-пространстве). Неслучайно взамен нейтрального термина «аудитория», принятого в отношении реципиентов СМИ, в социальных сетях говорится уже о followers – *последователях*, а исследователи массовых коммуникаций все

чаще указывают на особый тип сетевой культуры (М. Кастельс), неограниченно расширяющейся путем включения все новых «узлов» коммуникации.

Характерным примером транзитной солидарности в сетевой культуре становятся практики включения аудитории в **сетевые флешмобы**, варианты которых представлены в данной статье. Действия по объединению участников сетевого флешмоба, обеспечение консолидации, информирование, создание корпоративных механизмов профессиональной идентификации обнаруживают устойчивость форм. Флешмобы в интернете могут возникать стихийно – в виде комментариев к посту в соцсети, и могут быть специально запланированными (к примеру, при проведении скрытой агитационной кампании).

Обращение к конкретным вариантам сетевых флешмобов используется нами как иллюстрация случая, по аналогии с некоторыми типами кейс-стади («удачная иллюстрация» М. Глюкман, «инструментальный тип кейс-стади» Р. Стейк) – то есть, как логическая (не статистическая) демонстрация субъективных смыслов интернет-взаимодействия, уникальное сочетание элементов коммуникации, формирующих соответствующий кейс [Козина, Сережкина, 2015].

«Я не Боюсь Сказать: сотни женщин рассказали в Фейсбуке о сексуальном насилии над собой!», «В России устроили флешмоб в поддержку курсантов из Ульяновска!», «Питер Мы с Тобой: вся страна готова разделить боль Петербурга», «Меня Не Взяли: пользователи соцсетей делятся историями личных провалов» – эти и похожие заголовки, повествующие о начале новых сетевых флешмобов, объединяющих географически разбросанные, гендерно и социально неоднородные, но тем не менее единые в «сетевом порыве» группы, стали привычной информационно-новостной повесткой. Интернет-флешмобы, получившие широкое распространение среди современных пользователей социальных сетей, протекают в режиме своеобразной *web-эпидемии*, на короткий промежуток времени объединяющей разрозненных индивидов на основе стихийно возникающего посыла.

Обязательным условием сетевых флешмобов является использование вербальной номинации (через хэштеги, слоганы, имена персонажей) выступающей, по сути, идентификационной основой участников акции. В некоторых случаях тематический посыл или информационный стимул нацелен на демонстрацию солидарности участников флешмоба с субъектами реально происходящих событий. Так, например, пользователи социальных сетей массово размещали хэштег *ПитерМыС тобой*, символизирующий солидарность и эмоциональную поддержку пострадавшим в результате теракта в Санкт-Петербургском метро; или активно выкладывали видео-пародии на музыкальный трек итальянского диджея Бенни Бенасси «Satisfaction» – в знак солидарности с курсантами ульяновского летного училища, получившими выговор от руководства вуза за свой танец.

Однако зачастую событийность не проистекает из актуально значимых обстоятельств, а искусственно конструируется, представляя своего рода виртуальный перформанс: сетевой флешмоб «Mannequin Challenge», участники которого размещали в социальных сетях видео, на котором, изображая манекены, замирали на месте; или флешмоб «Приседай со своей собакой» (Squat Your Dog) – демонстрация физических упражнений, в которых вместо спортивных снарядов использовались домашние питомцы.

Вовлечение участников может базироваться и на вполне обыденных информационных стимулах, как бы изначально лишенных событийной основы сплочения и приобретающих эту событийность именно в процессе демонстрации оригинальных описаний повседневности (речь в данном случае может идти, скорее, о ностальгическом переживании того или иного жизненного события):

Сотрудник агентства Great Артем Кудрявцев запустил флешмоб #меняневзяли. Пользователи Фейсбука делятся под тегом историями о попытках устроиться на работу, неудачных собеседованиях и отказах: «В 16:34 я опубликовал пост с рассказом о том, куда меня не взяли на работу. Спустя 3 минуты, в комментариях началась бурная активность. Полетели лайки,

комменты про неудачи. Пришло осознание, что все не просто так, поэтому я отредактировал пост, добавив заголовок в виде хэштега #МеняНеВзяли – написал Артем Кудрявцев¹.

В сетевом флешмобе «Взрослая жизнь в пяти словах» пользователи охотно выражали жизненные девизы сегодняшнего дня, придерживаясь установленных правил лаконичности сообщения: «Кофе поддерживает во мне жизнь!», «Не хочу шубу, погасим ипотеку!», «Мне нельзя, я – кормящая мать!», «Усталость, отчаяние, вино по акции», «Когда я уже нормально выплусь?!», «Хочу жить, но приходится работать»:

Пользователи Твиттера 21 июня 2017 года запустили флешмоб #AdultingIn5Words, в котором описывают взрослую жизнь в пяти словах. Юзеры делятся своими впечатлениями под хэштегом #ВзрослениеВ5словах (в англоязычном варианте – #AdultingIn5Words).

Аналогичные манифестации наблюдались и в акциях «Три слова в прошлое» («Научись любить себя!», «Покупай биткойны, идиот!») и «Как огорчить маму в трех словах» («Я не голоден», «Это моя жизнь!», «Мама, я – майнер!», «Извини, внуков не будет»).

Именно в сетевом коммуникативном обмене, обеспечивающем в сознании индивидуального интернет-пользователя эффект приобщения к «большому сознанию» (Ч. Кули), сетевое взаимодействие принимает форму транзитной солидарности – пусть и на короткое время объединяя участников в особую общность, живущую по принципу информационного потока: «В поле культуры разных ценностных ориентаций и идентичностей приводят к возникновению потоков коммуникаций, идущих к немногим дальним, но «своим» в обход многих ближних, но «чужих». Именно движение, устремленное по градиенту, вопреки наличию в среде традиционных структур, создает те узлы и связи, которыми характеризуются сетевые структуры» [Иванов, 2012: 11].

Социальные сети рождают пространство полноценной коммуникации, в которой человек одновременно и наблюдатель, и участник событий, и читатель, и писатель, и творец, и потребитель. То, что обычно разнесено по времени и, соответственно, требует разделения ролей, здесь реализуется мгновенно и непосредственно.

«Карнавал» и «травма»: содержательно-смысловая конструкция транзитной солидарности. Однако было бы не совсем верным лишать транзитную солидарность какой-либо конструирующей основы сплочения. При непосредственном обращении к содержанию сетевых флешмобов, на наш взгляд, наиболее ощутимо проявляются два символических концепта – *карнавал* и *травма*. В некоторых случаях их разделение носит искусственный характер и выражается в неразрывном единстве «карнавализации травмы». Использование такого рода конструкций, в некотором смысле метафорических, предстает не просто риторическим приемом повествования, но оказывается целенаправленной попыткой интерпретации глубинного символического смысла актуального явления, сама суть которого органично понимается именно в контексте метафорического прочтения: «Метафоры системы отступают на задний план, освобождая место метафорам сети и ризомы, что указывает на замещение классической научной картины мира современной» [Кравченко, 2016 : 129].

Символический концепт карнавала, используемый нами в анализе транзитной солидарности аудитории, отражается в традиционных чертах карнавального действия: в отсутствии четкого деления на исполнителя и зрителя, в маскарадной специфике, и, главное, в своеобразной **компенсаторной философии временного выхода за пределы** обычного строя жизни: «Итак, в этом отношении карнавал был не художественной театрально-зрелищной формой, а как бы реальной (но временной) формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а которой жили почти на самом деле (на срок карнавала). Это можно выразить и так: в карнавале сама жизнь играет, разыгрывая – без сценической

¹ Здесь и далее авторы, руководствуясь принципом иллюстрации случая, используют сообщения информационных агентств и порталов, а также тематические страницы интернет-флешмобов в социальных сетях.

площадки, без рампы, без актеров, без зрителя, то есть без всякой художественно-театральной специфики – другую свободную (вольную) форму своего осуществления...» [Бахтин, 1990: 12].

Карнавализация отражается не только в виртуальном проигрывании реальности, но и в пересечении и наложении полей частного и публичного жизненного пространства интернет-пользователя: то, что Р. Барт называл «публичностью частного», С. Ниссен «приватизацией публичного пространства», а Ш. Бенхабиб – «нарциссической самопрезентацией» [Волков, 2017]. Уместно здесь и обращение к концепции «общества спектакля» Г. Дебора, описывающего превращения реально переживаемого в сферу разыгрываемых представлений.

Сетевые флешмобы дают возможность компенсаторного проживания индивидуальной травмы в практиках коллективной вовлеченности в публично демонстрируемое единство. Достаточно вспомнить в этой связи «дело Вайнштейна» (голливудского продюсера, обвиненного в сексуальных домогательствах), ставшее поводом для флешмоба «MeToo» («Я тоже») в социальной сети Фейсбук, в котором тысячи женщин писали о том, как мужчины в целях принуждения использовали свою власть над ними. В радикальном варианте подобной акции французская журналистка Сандра Мюллер призвала соотечественниц откровенно делиться переживаниями, связанными с сексуальными домогательствами, используя объединяющий мотив-хэштег «BalanceTonPorc» («Сдай скота» или «Сдай свинью»).

В украинском и российском сегментах Фейсбук небывалой популярностью пользовался сетевой флешмоб «Я Не Боюсь Сказать» – результатом которого стало размещение тысячи постов – историй пережитого сексуального, физического, психологического насилия:

«Я хочу, чтобы сегодня говорили мы, женщины. Чтобы мы говорили о насилии, которое пережили большинство из нас», – так начинается пост, опубликованный украинской журналисткой и активисткой Анастасией Мельниченко. В публикации, размещенной под хэштегом #ЯнебоюсьСказать, Мельниченко рассказала о случаях сексуального насилия, которые она пережила. Ответом на ее пост стал флешмоб, к которому подключились сотни пользователей, сначала в украинском, а затем и в российском сегменте Фейсбука. Под хэштегами #ЯнебоюсьСказать и #ЯнеБоюсьСказать женщины и мужчины, ставшие жертвами сексуального насилия и домогательства, рассказывают свои истории.

Смысловая основа интернет-презентации карнавала и травмы в сетевых флешмобах во многом укладывается в логику рассуждений Ж.Т. Тощенко, выделявшего в качестве специфической черты и формы общественного сознания *травму* и *антиномию*, репрезентирующих раскол, противоречия и конфликтность в восприятии действительности [Тощенко, 2014]. Таким образом, карнавализация становится легальной формой солидарности аудитории на основе переживания травмирующего несовершенства реальности в виртуальном формате символического разрушения иерархий, нивелирования статусных позиций (и, связанных с ними, ограничений). В этом смысле, сетевые формы транзитной солидарности как бы подменяют реально-действенную основу коммуникации – виртуальным аналогом переживаемого сплочения.

Уточним, что, используемый нами концепт «*карнавализации травмы*» не предполагает исключительно разыгранного переживания как имитации или «пародии на травму» (хотя и не исключает такого варианта в отдельных случаях). Несмотря на зафиксированные нами проявления транзитной солидарности (кратковременность, подвижность, демонстративность) – она, тем не менее, нередко предстает реальной формой психологической поддержки и соучастия аудитории, используя коллективную вовлеченность как решение наличествующих проблем:

11-летний московский школьник Степан Савельев в одночасье стал звездой интернет-флешмоба, после того как его мама написала в своем Фейсбуке сообщение с просьбой поддержать «лайками» его увлечение динозаврами, за которое его засмеяли в школе. Изначальный расчет мамы «на 15–20 лайков поддержки» обернулся масштабными последствиями: каждый пост на странице Степана «Вконтакте» теперь собирает тысячи, а порой и десятки тысяч лайков. К настоящему моменту на страницу Степана подписалось более 13 тысяч человек,

а количество его друзей увеличилось до тысячи. Накануне школьник попал в эфир нескольких российских телеканалов, а астронавт НАСА Дэн Бербанк даже передал привет Степану.

Схожая история из зарубежной практики использования флешмобов:

Сеть подорвало видео, в котором мальчик из Теннесси Китон Джонс со слезами на глазах рассказывает о том, что его дразнят в школе. По словам Китона, его постоянно дразнят из-за его большого носа и называют уродом. «Я не понимаю, почему они издеваются надо мной? Какой в этом смысл? Почему они получают удовольствие от того, чтобы причинять боль людям, которые ни в чем не виноваты?», – говорит Джонс на видео. На поддержку Китона выступило много голливудских знаменитостей, принявших участие в сетевом флешмобе. Среди них Кэти Перри, Джастин Бибер, Деми Ловато, Снуп Догг, Келси Баллерини, Марк Руффало, Крис Эванс, Хейле Штейнфельд, Энрике Иглесиас, Пэттон Освальт, Милли Бобби Браун и другие. На своих страницах в соцсети звезды написали слова поддержки школьнику.

В качестве аналогичных примеров можно сослаться на флешмобы #рабочийполдень – поддержка трудовой занятости людей с ментальными нарушениями; #будемлюдьми – демонстрация соучастия и поддержки людей с аутизмом; #ЯВерюВБумерангДоброты – размещение на индивидуальной интернет-странице фотографии вещи, которую пользователь планирует пожертвовать на благотворительные цели.

Как справедливо отмечает Л.В. Коротецкая, аудитория, таким образом, символически участвует в переживании первоначальной травмы, соотнося себя с непосредственной групповой жертвой: «Сегодняшние «микротравмы», катастрофические события общественной жизни вызывают мгновенную реакцию «зрителей – жертв», в первую очередь – в социальных сетях. Слоган «Je suis Charlie» как знак солидарности с журналистами французского еженедельника «Шарли Эбдо», подвергшегося террористической атаке, или наложения французского флага на фото профиля в сети «Фейсбук» после терактов в Париже 13–14 ноября – это не только форма протестов против террора и выражение солидарности с пострадавшими и собственным горем. Такое публичное «примыкание» к группе пострадавших можно трактовать и как претензии на место жертвы: нападение на них = нападение на меня = я – жертва» [Коротецкая, 2016 : 110].

Заключение. Распространение сетевых форм транзитной солидарности оставляет открытыми вопросы непосредственной реализации практик солидарности в офлайн-режиме, сопоставления реальной (активизм) и имитационной (слактивизм) позиций аудитории. На наш взгляд, различия между активизмом и слактивизмом в данном вопросе снимаются именно признанием *транзитного характера* сетевой солидарности: спонтанно возникающей, кратковременно действующей, символически репрезентирующей процесс формирования единства, а не его результат. В транзитной солидарности современной сетевой культуры значимым становится обозначение *единства и сплоченности*, а не их непосредственная реализация. Так, О.В. Лагутина ссылается на пример эксперимента, проведенного датским психологом А. Колдинг-Йоргенсенем, создавшим в социальной сети Фейсбук тематическую группу против сноса исторического фонтана в центре Копенгагена. Никто из 27 000 пользователей, продемонстрировавших солидарность в данном вопросе и подписавших петицию, не проверил и не указал, что это была ложная информация, равно как и не осуществил реальных действий по защите фонтана [Лагутина, 2016: 68]. На наш взгляд, особый исследовательский интерес может быть сосредоточен на дальнейшем осмыслении попыток восполнения незавершенной реальности в практиках новых форм солидарности аудитории, сценариях конструирования взаимодействия субъектов в ситуации «здесь и сейчас», создаваемых в интерактивном пространстве сетевой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
- Блз М.-К. Солидарность // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 12–21.
- Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
- Гофман А.Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 29–36.
- Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
- Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 3–12.
- Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Неочевидность солидарности: проблема эмпирического изучения трудно верифицируемых социальных состояний // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 14–23.
- Козина И.М., Сережкина Е.В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64–73.
- Коломиец В.П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.
- Коротецкая Л.В. Холокост как социальная и культурная конструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107–117.
- Кравченко А.И. Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 124–133.
- Лагутина О.В. Слактивизм в практике российских массмедиа // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 2. С. 67–72.
- Назаров М.М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54–63.
- Омельченко Е.Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.
- Рыков Ю.Г., Кольцова Ю.Ю., Мейлахс П.А. Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 30–42.
- Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–36.
- Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия – новые черты общественного сознания и поведения в современной России // Социология: научно-теоретический журнал. 2014. № 4. С. 45–60.
- Ушкин С.Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 127–133.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Шабанова М.А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 31–44.
- Ярская В.Н. Темпорально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 14–24.

Статья поступила: 22.02.18. Финальная версия: 01.02.19. Принята к публикации: 12.03.19.

TRANSIT SOLIDARITY IN CONTEMPORARY NETWORK CULTURE: BETWEEN CARNIVAL AND TRAUMA

ZUBANOVA L.B.*, ZYHOVSKAYA N.L.**

*Chelyabinsk State Institute of Culture, Russia; **South Ural State University (National Research University), Russia.

Lyudmila B. ZUBANOVA, professor of department of cultural science and sociology, Chelyabinsk State Institute of Culture (milazubanova@gmail.com); Natalya L. ZYHOVSKAYA, professor of department of Russian language and literature, South Ural State University (National Research University) (ladoga122@gmail.com). Both – Chelyabinsk, Russia.

Acknowledgements. The Research was supported by Grants of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools (№ 3200.2018.6).

Abstract. The article discusses the phenomenon of network flash mobs as a new form of Internet users union in modern media culture. Authors distinguish special features of network flash mobs: spontaneous nature of emergence and virus mechanism of distribution; short duration of public demonstration of unity; a mobile basis of identification of participants with group; aiming on symbolic communication practices of interaction; priority of process of solidarity formation over result (the created and steady bases of unity). The set of the specified lines allows to designate this type of association as transit solidarity. The article analyzes various options for the formation of transit solidarity of Internet users on the example of the most popular flash mobs, provides examples of the Internet reaction of the audience to current cultural events, as well as artificially constructed information events. Substantial filling of network action is revealed through symbolical concepts «trauma» and «carnival». It is concluded that network flash mobs enable to compensate an individual injury by practicing collective involvement in a publicly demonstrated game.

Keywords: network culture, actual forms of solidarity, transit solidarity, virtual reality, new media, social networks, flash-mobs, web-epidemics.

REFERENCES

- Bauman Z. (2002) *Individualized Society*. Moscow: Logos Publishing House. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Fluid Modernity*. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bahtin M.M. (1990) *Creativity Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Hudozhestvennaja literature. (In Russ.)
- Blais M. (2018) Solidarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 12–21. (In Russ.)
- Gofman A.B. (2015) Conceptual Approaches to the Analysis of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 29–36. (In Russ.)
- Habermas Ju. (2000) *Moral Consciousness and Communicative Action*. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2012) On the Theory of Stream Structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 8–16. (In Russ.)
- Karmadonov O.A. (2015) Solidarity, Integration, Conjunction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12. (In Russ.)
- Karmadonov O.A., Kovrigina, G.D. (2018) The Non-obviousness of Solidarity: the Problem of an Empirical Study of Difficult-to-verify Social States. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–23. (In Russ.)
- Kozina I.M., Serezhkina E.V. (2015) The Concept of the Case Study in Social Sciences and the French Tradition of Monographic Studies of Labor Organizations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 64–73. (In Russ.)
- Kolomic V.P. (2017) Sociology of Mass Communication in a Society of Communication Abundance. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–14. (In Russ.)
- Korotetskaya L.V. (2016) Holokst as Social and Cultural Design of Memory: Factor of a Trauma and Position of the Victim. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 107–117. (In Russ.)
- Kravchenko A.I. (2016) Metaphors in Sociology New Perspectives or the Road to Nowhere? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 124–133. (In Russ.)
- Lagutina O.V. (2016) Slaktivizm in the Practice of the Russian Mass Media. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South-West State University]. No. 2: 67–72.
- Nazarov M.M. (2018) Modern Media Environment: Diversity and Fragmentation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 54–63.

- Omel'chenko E.L. (2013) Solidarity and Cultural Practices of the Russian Youth of the Early XXI Century Theoretical Context. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 52–61. (In Russ.)
- Rykov Ju.G., Kol'cova Ju.Ju., Mejlajs P.A. (2016) Structure and Functions of Online Communities Network Mapping of HIV-relevant Groups in the Social Network «VKontakte». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 30–42. (In Russ.)
- Shabanova M.A. (2017) Traditional and New Solidarity in the Space of Consumer Goods and Resources *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 31–44. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2012) New Faces of Activity: Imitation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 23–36. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2014) Trauma and Antinomy – New Features of Social Consciousness and Behavior in Modern Russia. *Sotsiologiya: nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Sociology: Scientific and Theoretical Journal]. No. 4: 45–60. (In Russ.)
- Ushkin S.G. (2014) User Comments on Protest Actions in the Russian Segment of YouTube. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 127–133. (In Russ.)
- Volkov Ju.G. (2017) Private Space as a Research Problem of Sociological Reflection of New Social Reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 20–29. (In Russ.).
- Yarskaya V. N. (2017) Temporal and Semantic Distantiation in the Field of Social Unity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 14–24. (In Russ.)

Received: 22.02.18. Accepted: 01.02.19. Final version: 12.03.19.